

ОЛЕГ ЖУРАВЛЕВ

ЧП в роте



Олег Журавлев

ЧП в роте

«Издательские решения»

Журавлев О. А.

ЧП в роте / О. А. Журавлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853328-0

Светлые и чистые порывы главного героя добросовестно отслужить в армии разбиваются о жестокую реальность и несправедливость.

ISBN 978-5-44-853328-0

© Журавлев О. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

ЧП в роте

Олег Анатольевич Журавлев

© Олег Анатольевич Журавлев, 2017

ISBN 978-5-4485-3328-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В бане их уже ждали. Новенькая бледно-зеленая форма аккуратными стопками лежала на стеллаже посреди большого зала. Рядом высились горки чистого белья. В конце внушительного ряда серой кляксой темнели шерстяные портянки. Со скамьи поднялся полуголый солдат-банщик.

– Пополнение? Сколько человек?

– Пятнадцать, – ответил сержант. – Раздевайтесь. Одежду и вещи в шкафы. С собой взять мыло, мочалку... У кого их нет – выбирайте в ящике.

На полу стоял деревянный ящик. Кто-то ради любопытства заглянул в него.

– Дома я таким мылом даже руки не мыл.

– А здесь придется пользоваться, – отозвался сержант. – Ну, что стоим?

Команда возымела свое действие, и призывники заспешили снимать свои гражданские рубища. Застенчиво прикрываясь, они побыстрее проскакивали открытое пространство раздевалки и за дверью ныряли в густые клубы пара. Через минуту оттуда послышались смех, крики, обрывки шуток.

– Как пополнение? – спросил банщик сержанта.

– В службе видно будет...

У него не было настроения. Неделю назад на разводе командир полка объявил приказ: старшему сержанту Мишину Александру Ивановичу, старшине пятой учебной роты, за успехи в боевой и политической подготовке предоставить краткосрочный отпуск на девять суток. Ротный пообещал через день-два его отпустить, но тогда что-то помешало, а сегодня утром сказал: «Пока не примешь молодое пополнение, отпуска не будет». Эх, и парадку подготовил, и шинелку начистил – стала пушистой, как шуба, и подарки родным купил. Теперь жди неизвестно сколько из-за этой «зелени». Их бы вполне могли принять другие сержанты. Вот хотя бы Дронов. Грамотный замкомвзвод. Но ротный, видимо, решил перестраховаться, – с Мишина, мол, спрос больше, вот и пусть пашет. Что ж, с начальством не спорят. Обидно только, что вот так, всю радость отпуска портят.

Дверь открылась, и в раздевалку из душевой ввалились розовокожие парни. Пар клубами поднимался к потолку с их разгоряченных тел.

– Вытирайтесь и получайте белье! – скомандовал Мишин. – Кто получил белье, подходи за формой.

Парни с интересом и любопытством надевали белье, примеряли хэбэ. Смеялись.

– Мне маленькое.

Перед сержантом стоял солдат, придерживая кальсоны.

– Не застегиваются, – виновато проговорил тот.

– Одевай, что есть, – недовольно прикрикнул Мишин. – В роте найдем подходящее...

Вскоре все были переодеты. С удивлением рассматривали друг друга: одинаковые прически и одинаковое выражение глаз – радостное и вместе с тем растерянное.

– Становись! – скомандовал сержант, и через минуту строй двинулся в казарму. Морозный воздух далеко разносил нестройный топот пятнадцати пар ног, обутых в новенькие кирзачи.

Глава 2

...Команда «Подъем!» прозвучала как всегда некстати.

Курсанты, прибывшие несколькими днями раньше, уже одевались и поглядывали на вчерашнее пополнение. Те сонно копались в своем неумело сложенном на табуретах обмундировании, не могли попасть ногами в брюки, толкались, ссорились.

– А ну побыстрее! Что тут вошкаетесь! – прогремел совсем рядом голос старшего сержанта Мишина, и дело сразу пошло веселее. Пальцы быстро забегали по пуговицам. По полу застучали заскорузло-новые сапоги, не желая почему-то налезать на ноги.

– Да кто же так портянки мотает? – поучал Мишин курсанта. – Вот так надо. И побыстрее одевайтесь. Завтра будем тренироваться выполнять команду за сорок пять секунд.

– Ого! А если не успеем?

– Разговоры! Становись! Все в строю? – спросил он у замкомвзводов.

– У меня одного нет, – подал голос сержант Дронов. – Фролова.

– Да вон он, товарищ старший сержант, спит, – сказали из строя.

В постели мирно лежал Фролов.

– Ты что, зеленый, очумел? Команды не слышишь? – коршуном набросился Дронов на растерявшегося спросонья курсанта.

– Да тихо ты, Дронов, – урезонил друга старшина. – Это же старый знакомый, который не любит солдатского мыла и не влезает в хэбэ. Так твоя фамилия Фролов?

– Так точно, – уставившись на сержанта, прогудел тот.

– Что ж, запомнил. А сейчас даю тебе минуту на одевание. Не уложишься – пеняй на себя.

Время пошло.

Проговорил он это тихо, спокойно, но от этого Фролову стало не по себе, и он трясущимися руками бросился натягивать на себя куртку, брюки. Портянки он кинул на голенища сапог и попытался просунуть ногу...

– Время! – гаркнул сержант, и подчиненный поскакал лягушкой, переворачивая табуретки.

– Становись! Равняйся! Смирно! Напра-во!

Рота пошла на зарядку.

– Ну ты даешь, Фрол. Я тебя толкал, толкал утром, а ты спишь, как слон, и ничего не слышишь.

Фролов посмотрел на шептавшего. Это был Ваганов Серега. Познакомились они на призывном, и оказалось, что жили-то на соседних улицах, ходили в соседние школы, может быть, даже и дрались друг с другом. Кто его знает, что было там, на гражданке. Теперь жизнь за высоким забором. Эта граница железобетонно отделяет ту, вчерашнюю беззаботную жизнь от сегодняшней суровой тяжелой, но такой необходимой и важной.

Фрола сейчас больше волновали не желавшие налезать на ноги сапоги.

– Давай, давай! – тянул за собой друга Ваганов. – Сейчас сержанты увидят – дадут тебе жизни.

– Не могу больше. Ноги болят.

– Почему отстали? – загремел голос старшины.

Удивительно, подумал Фрол, как паровоз: услышишь – в дрожь бросает.

– Так в чем дело?

– Ноги... Давит... – только и смог выжать из себя Фролов.

– Что, сапоги малы? Как же ты их в бане мерял?

– Так нормальные были...

– А за ночь ноги выросли.

– Вечером надевал на тонкие носки. А сейчас на портянки...

– Ага, ясно. Ладно. Давай в роту. Сегодня заменим.

Сапоги, не желавшие налезать на ноги, теперь словно приросли к ним. Каждое усилие снять их отдавалось резкой болью во всем теле.

– Эй, – позвал он дневального, подметавшего пол. – Иди сюда. Сапоги помоги снять.

– А у тебя что, рук нет? Я убираюсь.

– Эй, зеленый, мать твою так, ты что, не понял? – крикнул Фрол.

– А сам-то какой – синий, что ли? – огрызнулся тот, но подошел.

– Тяни.

Дневальный ухватился за сапог, покрепче уперся ногами и дернул.

– Да ты что, сдурел?

Оба сидели на полу. Дневальный отложил в сторону снятый сапог. Фрол с удовольствием шевелил пальцами.

– Уф! – с наслаждением простонал он и протянул вторую ногу.

До прихода роты с зарядки Фролов успел и койку заправить, и прикорнул минут десять возле батареи. И когда курсанты прибежали с зарядки взмыленные, возбужденные и с не меньшей прытью стали носиться по казарме, наматывая круги от бытовки до умывальника, от расположения до туалета и обратно, Фрол чинно сидел в Ленинской комнате и листал «Огонек». Именно листал, так как голова его была занята совершенно иным...

Глава 3

Узнав, что их везут в учебку, Фрол расстроился, По рассказам друзей-дембелей он знал, что там спуску никому не дают. Давят и физо, и уставами на полную катушку. Да и работают там все на общих основаниях. Короче, учили друзья, попасть в учебку – хуже не придумаешь. Вот если – в часть, где еще есть «дедушки», там служить можно. Конечно, первые полгода трудно придется. Но ведь все через это проходят, вот и они выжили, ничего с ними не случилось. А Фрол и подавно выдюжит – вон какой бугай, камээс [1] по самбо, боксом занимался. Да такому любой «дед» нипочем. А уж через полгода вообще служба легко пойдет. Будешь на койке лежать да в потолок плевать. Фрол ни стены, ни потолки заплевывать не собирался, но и особо напрягаться не хотелось. Да и зачем пуп рвать, если есть возможность служить и не тужить? Ведь рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Хотя Фрол и не искал легкой службы, но сейчас уже выбирать не приходилось. За него решили, что служить ему в учебной части, в роте, где готовят сержантов. И хочешь ты этого или нет, а приказы выполнять надо, это он еще с гражданки хорошо усвоил.

А вообще-то, думал Фрол, служить здесь можно. Сержанты, правда, крикливые больно. Так уши и закладывает от одного воя Мишина. Ноги сами собой выравниваются в коленях. Вот только Дронов какой-то непонятный. Показал бы я ему на гражданке «зеленого». Ну, ничего, молчать не собираюсь. Пусть другие молчат. А у меня, думал Фрол, тоже гордость есть...

Дверь в Ленинскую комнату открылась, и на Фрола уставился ушастый Ваганов.

– А, ты здесь. Давай быстрее, строимся на завтрак.

Дронов проверял людей. Недовольно взглянув на Фрола, он двинулся было дальше считать головы своих подопечных, но тут же вернулся назад.

– Почему в кроссовках?

– Сапоги жмут, товарищ сержант, – бодро отчеканил солдат.

– Почему мне не доложили раньше?

– Об этом знает старшина роты. Он обещал подобрать.

– Хорошо. На завтрак пойдете без строя...

Вообще-то неплохо начинается день, думал Фрол, медленно шагая к столовой. Снег под кроссовками приятно хрустел огурчиком. Вместо зарядки – сон-тренаж, все на завтрак строим, а я самостоятельно. Он видел, как старшина гонял роту, добиваясь от курсантов четкого шага. Но все почему-то получалось вразной, нескладно и некрасиво, – «горох» называется по-армейски. Его наблюдения прервал довольно грубый окрик:

– Почему без строя? И что это за вид?

Фрол удивленно посмотрел на возмутителя спокойствия. Перед ним стоял дежурный по части.

– У вас что, язык отсох? – поинтересовался офицер.

– Сапоги, – начал нерешительно Фрол.

– Что сапоги? Усохли?

– Малы...

– Ах, малы. Пятая рота? Ждите в вестибюле. Сейчас ваши подойдут. Наверх без роты не подниматься.

Почему нельзя подниматься в столовую без роты, думал Фрол. Что я, съем всю кашу и никому компота не оставлю? Но приказ есть приказ, и ему ничего не оставалось делать, как подчиниться, тем более, что он пока не знал, где столы роты и где его место. То, что у каждого за столом есть свое место, он слышал от друзей. Главное, говорили они, сесть поближе к каше. Никогда обделен не будешь. Да чтобы друган раздатчиком за столом был – вот и будешь всегда с мослбм. Интересно, кто у них за столом раздатчик?

Тем временем рота, совершив очередную отчаянную попытку пройти в столовую, громко загрохотала сапогами, остервенело припечатывая их к льдистому асфальту полкового плаца.

В столовую забегали колонной по одному. Пристроившись в хвост длинной зеленой змеи, Фролов побежал на второй этаж. Так и ходить-то по-человечески разучишься, думал он, прыгая через ступеньку. То строевым, то бегом. Даже в столовой и то вприпрыжку. Интересно, а как... Но тут он с разгона налетел на впереди бегущего курсанта, тот, падая, толкнул другого, и строй, неожиданно остановившийся, дернулся, зашатался, зашумел.

– Быстро рассаживаться по десять человек!

Толпясь и сопя, несмысленными телками курсанты заполняли свободные столы.

Пойми, сколько здесь стоит за столом – десять, девять или одиннадцать, с досадой думал Фрол, тычась то к одному, то к другому столу. Но везде слышал недовольное шипение:

– Куда?! Здесь уже десять! За другой иди!

Наконец подошел дежурный по роте и показал ему свободное место.

Вот неудача-то, с краю сел, размышлял Фрол. И раздатчик попался незнакомый какой-то ломко-долговязый курсант. Кажется, с одного взвода. Ну ничего, утешал он себя. Может, все будет нормально.

Глава 4

В армии много традиций. Одна из них – развод на занятия. Утром, задолго до намеченного часа серо-разрешеченный асфальтированный прямоугольник полкового плаца постепенно заполняется ротами, отдельными группами офицеров и прапорщиков. Оркестр разливает вокруг золото труб. Роты отрабатывают строевой шаг: слышится истошный крик «И-и-и-р-раз!», и сотня человек стройными шеренгами проходит вдоль пустой трибуны, отдавая честь микрофону. А по всему плацу вместе с четким грохочущим шагом разносится голос ротного, бегающего вдоль строя: «Ножку, ножку! Четче шаг! Равнение! А, чтоб вы сгорели!» Он быстро бежит в голову колонны, разворачивает роту, и все начинается сначала. А те командиры, которые уверены в своих людях или вообще ни в ком не уверены, проверяют солдат на месте. Выравнивают в затылок друг другу, делают замечания то одному, то другому, высказывают перед ротой, дают последние указания, когда их уже совсем не стоит делать.

Идет командир. Оркестр умолкает, и на приветствие начальника полк в сотни глоток бодро отвечает, а эхо вторит «ва-е, ва-е, ва-е». После торжественной части – официальная: оглашаются приказы о поощрении и наказании, о повышении и понижении, другие важные и менее важные документы, проверяется внешний вид офицеров и прапорщиков, а заодно и всего личного состава. Но вот финал: роты одна за другой проходят строевым шагом, отдавая честь командиру части. Счастливчики занимают свое место в строю. Неудачники, а ими бывают те, кто плохо стучал сапогами, шел не в ногу и забыл о равнении, проходят по второму или по третьему разу. После этого поются ротные песни и полковая, а после общего «концерта», где каждый и слушатель, и зритель, и исполнитель, все расходятся на занятия.

– Товарищи курсанты, – начал свою речь старшина. – Мы ежедневно должны здороваться с командиром роты. Этим мы проявляем свою культуру, воспитанность, и, кроме этого, здороваться положено по уставу.

Фролов с особым вниманием слушал сержанта.

Мишин на секунду прервал свое объяснение:

– Что с тобой? Плохо?

– Ничего, – не мигая, ответил Фролов.

– А чего вылупился на меня?

– Виноват, товарищ сержант. Ем.

В строю прокатился смешок.

– Ты мне эти шутки брось, Фролов. Не люблю я их. А если решил глаза пялить, то вон возьми устав. Больше пользы будет. Итак, продолжим. Все уяснили, зачем необходимо здороваться? А теперь потренируемся.

Он отошел на середину строя, прокашлялся и рявкнул:

– Здравствуйтесь, товарищи курсанты!

Строй разразился ревом. Каждый стремился перекричать не только товарища, старшину, а и самого себя. Но самое удивительное, что этот звериный вой понравился Мишину.

– Неплохо. Только веселее, веселее. И громче. Примерно вот так, – и старший сержант изобразил, как «примерно» надо кричать.

Получилось довольно внушительно.

Дежурный по роте косо поглядывал на часы, ожидая с секунды на секунду начальника. Старшина оправлял китель, подтягивая «случайно» ослабленный ремень, выровнял шапку, застегнул «вдруг» расстегнувшийся крючок, пригладил «неожиданно» отросшие сзади кудри, вытянулся в струнку и принял подобострастный вид.

Ротный – зверь, наверное, думал Фролов, наблюдая за манипуляциями сержанта. В его воображении он рисовался детиной огромного роста, широченным в плечах (видимо, для этого

и открыты две створки дверей – в одну-то не проходит). Выражение лица должно быть обязательно свирепым, глаза гореть злым огнем. Да, такого командира не только Мишин, любой заботится. У такого любая рота станет отличной. А голос, видимо, похлеще старшинского. И Фролов с опаской посмотрел вверх. Прямо над ним висела красивая люстра. Не дай бог, сорвется от рева, подумал он и отодвинулся в сторону.

– Что толкаешься, – недовольно зашипел на друга Ваганов.

– Да молчи ты, – отмахнулся Фролов.

По казарме разнеслась команда «Смирно!».

В дверях стоял маленький сухонький капитан. Дежурный, сделав два четких строевых шага, на третьем поднял ногу так высоко, как будто намеревался попасть ротному в грудь. Подобный же маневр совершил и старшина, доложив, что в его отсутствие в роте происшествий не произошло. Капитану такое задирание ног, видимо, особенно понравилось.

Развернувшись к роте лицом, офицер тоненьким тихим голосом поздоровался и был тут же оглушен ревом сотен луженых глоток.

– Зачем кричать? – он недовольно сморщился. – Это все ваши проделки, Мишин. Сколько раз просил не кричать. Ну, да ладно. Пополнение приняли?

– Так точно, – рявкнул сержант.

– Сколько?

– Пятнадцать.

– Подшиты?

– Никак нет.

– Значит, на развод их не выводить. Пусть приводят себя в порядок. На работы и занятия не привлекать. Но только сегодня.

– Ясно.

– С ними оставить сержанта Дронова.

– Есть!

Через пять минут все пятнадцать человек сидели в бытовой комнате и неумело пришивали свои первые погоны и петлицы. Сержант Дронов, павлином прохаживаясь между курсантами, указывал то одному, то другому.

– Вот так подшивай... Это наоборот... Поменьше стежки делай – видно будет... Аккуратнее, куда спешишь?..

Глава 5

Фролов был занят своими мыслями. Он чувствовал себя раздавленной лягушкой, которая приближающийся грохот приняла за гром и надеялась на близкий дождик, а оказалась под безжалостным колесом телеги. Он никак не мог смириться с тем, что его ротный – простой, ничем не отличающийся офицер, а может быть и отличающийся как раз маленьким ростом и тихим голосом. Да разве это командир? Вот Мишин – это да. Это командир. А капитан, маленький, плюгавенький... Не такой он представлял себе армию. По крайней мере, своих командиров. Чужие пусть будут разными-всякими. Но его – только гренадерами, богатырями с усами. А у этого даже усов нет. Мальчишка какой-то. Да одень его в гражданку, за школьника сойдет. Эх, не повезло на командира...

– А ты что молчишь, – Ваганов толкнул Фрола в бок. – Расскажи, как в армию попал.

– А что рассказывать? Как обычно. Получил повестку и пошел.

– Ну ты брось заливать! Просто так и пошел?

– Конечно, не просто. За этой повесткой в военкомат пришлось идти. Отец был против, чтобы я шел в армию. Предлагал устроить все по закону. Для него это раз плюнуть – весь город его знает, почти все друзья. Сам, говорит, не служил и тебе не советую. Нет, говорю, отец, в армию хочу. Зачем отличаться от всех? Да и, в глазах друзей буду выглядеть неполноценным. А он мне: дурак ты еще, молод. Я вот без армии, и живем отлично. Машина, дом, деньги. Что тебе еще надо! Все это, говорю, хорошо, но в армию я пойду. Хочется испытать себя, узнать, на что я способен. А отец: я же тебе предлагал испытать себя. Это он, когда устраивал меня работать на мясокомбинат. Работа, конечно, чистая, калымная – за месяц столько «бабок» зашибал, что вам и не снилось. Но, отвечаю, не этим хочу себя проверить. Хотелось бы трудности испытать. Мать, конечно, в слезы, отец обиделся. Но в последний день дали кучу наставлений, а еще больше еды. Сумку пришлось вдвоем нести. Зато двое суток горя не знали – нас человек десять было с одного района, так эти дни только мясом и питались...

Сержанта Дронова давно уже не было в бытовке. Его вызвали к телефону. Фролов продолжал:

– А я, между прочим, шел в армию с одной лишь целью – отдохнуть. Ну, что мне сержанты – тьфу, вошь на палочке. Такой же пацан, как и я. На гражданке, наверное, никто его не замечал, а здесь получил соплю поперек погона и командует. Да таких командиров я посылать подальше буду...

Фрол собрался еще кое-что добавить, но вдруг заметил, что в дверях стоит Дронов и очень уж внимательно слушает. Неужели услышал то, что он сказал? В душе Фрола неприятно похолодело. Но ведь это и пьяному ежику понятно, что все это – чистейшее вранье, треп?..

– Кто еще не был на беседе у замполита? – подал голос Дронов.

С Фроловым никто не беседовал. Поэтому он натянул на свои крутые плечи китель с одним погоном, застегнулся и пошел в канцелярию.

Дав исчерпывающие ответы на стандартно-плоские вопросы замполита, Фролов спросил:

– А кто не желает служить в этой роте, в другую переведут?

– Вы что, не хотите служить в нашей роте? – вежливо поинтересовался лейтенант.

– Да нет, это я так, – замялся Фролов и тут же спросил:

– А машины нам дадут?

– Машины? – замполит оторвался от своих бумаг. – Нет, технику вы водить не будете.

А вы бы хотели работать на машине?

– Да нет. От них меня мутит. Аллергия на выхлопные газы.

– А-а, – понимающе протянул офицер. – Ну, с этим у нас в порядке. Выхлопных нет, но газы есть. От таких аллергии не будет.

– Это хорошо. А то, знаете, совсем замучила меня. Проедет машина – слезы идут. Трактор протарахтит – в дрожь бросает.

– Да, – сокрушенно проговорил замполит. – Серьезная у вас болезнь.

Расспросив, чем еще болел Фрол, замполит все записал в свою тетрадь, которую позже курсанты окрестили черной, и отпустил его в бытовку – подшиваться.

К вечеру, как бы случайно, Фролов подошел к большому зеркалу, висевшему против дневального. Форма плотно облегла его могучую фигуру. Ремень, поддерживая живот, разрезал его мощный торс на две неравные части. Сапоги сложились лихой гармошкой...

– Что это такое? – спросил Дронов, показывая на обувь.

– Сапоги, – не понял Фролов. – Старшина выдал.

– Почему «гармошка»?

– Не налазят, товарищ сержант. Узкие.

– Голенища сейчас же подвернуть. А завтра вставить клинья. Ясно?

– Так точно!

Фрол подвернул голенища. Получились полусапожки. И удобно, и легко. Он сравнил свои сапоги с сержантскими, которые были щегольски доработаны. На союзке, голенищах, на аккуратно подточенных каблучках и даже на подрезанных краях подошв играл зеркальный глянец. «Ласты какие-то, – подумал о своем сорок пятом Фрол, переступая на место. – Говнодавы». И он, удрученный этим неожиданным открытием, пошел чистить сапоги. До зеркального блеска. «Пусть хоть чем-то будут похожи», – думал он, с остервенением работая щеткой, как будто собираясь протереть кирзу насквозь.

После ужина к Фролу подошел Ваганов.

– Слышал? Завтра мы поедем на работы.

– Ну и что, – не поднимая головы отозвался Фролов. Он вновь учился подшивать подворотничок. Но узенькая беленькая полоска ситца все время переворачивалась, выskalывала. Как будто специально эти подворотнички придуманы, чтобы мучиться с ними. И как их можно подшивать за две минуты? Да врут небось сержанты. А черт, и иголка какая-то маленькая, неудобная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.